

Кейтилин

Когда они нашли нужную деревню, уже совсем стемнело.

Кейтилин не знала даже, как называется это место, – бежавшие жители унесли эту тайну вместе со всем своим скарбом, даже свечи из септы забрали. Сир Вендел зажег факел и ввел Кейтилин в низкую дверь.

Семь стен внутри растрескались и покосились. «Бог есть един в семи лицах, – учил ее септон Осминд, когда она была девочкой, – как септа есть единое здание с семью стенами». В богатых городских септах каждый из Семерых имел свою статую и свой алтарь, в Винтерфелле септон Шейли повесил на каждой стене резную маску, но здесь Кейтилин нашла только грубые рисунки углем. Сир Вендел вставил факел в кольцо у двери и вышел, чтобы подождать снаружи с Робаром Ройсом.

Кейтилин разглядывала лица. Отец был с бородой, как всегда. Мать улыбалась, любящая и оберегающая. Под ликом Воина был

изображен меч, под лицом Кузнеца – молот, Дева была прекрасна, изборожденная морщинами Старица – мудра.

А вот и седьмой... Неведомый, не мужчина и не женщина, но оба вместе. Вечный отверженец, пришелец из дальних стран, меньше и больше, чем человек, непознанный и непознаваемый. Здесь он был черным овалом, тенью со звездами вместо глаз. Кейтилин стало не по себе и подумалось, что она вряд ли найдет здесь утешение.

Она преклонила колени перед Матерью:

– Госпожа моя, взгляни на эту битву материнскими очами. Ведь все они чьи-то сыновья. Сохрани их, если можешь, и моих сыновей тоже сохрани. Не оставь Робба, Брана и Рикона и сделай так, чтобы я вновь была с ними.

Через левый глаз Матери змеилась трещина, и казалось, будто она плачет. Кейтилин слышала громовой голос сира Вендела и тихие ответы сира Робара – они говорили о предстоящей битве. Только они и нарушали тишину ночи. Где-то трещал сверчок, боги же молчали. «Хотела бы я знать, отвечали ли тебе когда-нибудь твои старые боги, Нед? Слышали ли они тебя, когда ты преклонял колени перед твоим сердце-деревом?»

Свет факела плясал на стенах, и лики богов менялись, как живые. Статуи в больших городских септах носят лица, которые им дали ваятели, но эти рисунки могли изображать кого угодно. Отец напоминал ей собственного отца, умирающего в своем Риверране. Воин был Ренли и Станнисом, Роббом и Робертом, Джейме Ланнистером и Джоном Сноу. Она даже Арью увидела в нем – правда, только на миг. Потом порыв ветра проник в дверь, факел зашипел, и струя оранжевого света унесла сходство.

Дым ел глаза, и Кейтилин протерла их своими израненными руками. Когда она снова взглянула на Матерь, это была ее собственная мать. Леди Миниса Талли умерла в родах, пытаясь дать лорду Хостеру второго сына. Ребенок умер вместе с ней, а из отца ушла частица жизни. «Она всегда была такая спокойная, – думала Кейтилин, вспоминая мягкие руки матери, ее теплую улыбку. – Будь она жива, и наши жизни сложились бы совсем по-иному. Что сказала бы леди Миниса о своей старшей дочери, стоящей перед ней на коленях? Я проехала много тысяч лиг, и все зря. Кому от этого польза? Дочерей я

потеряла, Роббу я не нужна, Бран и Рикон наверняка считают меня холодной и бездушной. Меня даже с Недом не было в час его смерти».

У нее кружилась голова – а казалось, что септа кружится. Тени, словно испуганные животные, метались по растрескавшимся белым стенам. Кейтилин ничего не ела сегодня – пожалуй, это было неразумно. Она говорила себе, что осталась голодной из-за недостатка времени, но правда заключалась в том, что без Неда для нее всякая пища утратила вкус. «Отрубив ему голову, они убили и меня».

Факел снова зашипел, и на стене появилось лицо сестры, только взгляд был жестче – взгляд не Лизы, а Серсеи. Серсея тоже мать. Не важно, кто был отцом ее детей, – она чувствовала, как они шевелятся в ней, рожала их в крови и муках, качала у своей груди. Если они и правда от Джейме...

– Скажи, о Мать, Серсея тоже молится тебе? – спросила Кейтилин.

На стене ей виделись гордые, холодные, красивые черты королевы Ланнистер. Трещина никуда не делась – даже Серсея способна плакать о своих детях. «Каждый из Семерых воплощает в себе всех остальных», – говорил септон Осминд. Старица не менее прекрасна, чем Дева, Мать может быть свирепее Воина, когда ее дети в опасности. Да...

Глядя на Роберта Баратеона в Винтерфелле, Кейтилин видела, что король не питает к Джоффри особо теплых чувств. Будь мальчик в самом деле от Джейме, Роберт предал бы его смерти вместе с матерью, и мало кто осудил бы его. Бастарды – явление достаточно обычное, но кровосмешение – это чудовищный грех и перед старыми, и перед новыми богами, и плоды подобного союза именуется гнусными и в септе, и в богороще. У драконьих королей братья женились на сестрах, но они происходили из старой Валирии, где это было в порядке вещей, и, подобно драконам, не отвечали ни перед богами, ни перед людьми.

«Нед, должно быть, знал это, а до него – лорд Аррен. Неудивительно, что королева убила их обоих. Разве я не сделала бы того же ради своих детей?» Кейтилин стиснула пальцы, рассеченные до кости сталью убийцы, когда она боролась за жизнь своего сына.

– Бран тоже знает, – прошептала она, опустив голову. Боги праведные, как же иначе? Он что-то видел, что-то слышал – вот почему мальчика пытались убить в его постели.

Павшая духом и усталая, Кейтилин Старк предалась своим богам. Она преклонила колени перед Кузнецом, налаживающим все, что сломано, и попросила его сохранить ее милого Брана. Перешла к Деве и попросила ее вдохнуть мужество в Арию и Сансу, оградить их невинные души. К Отцу она обратилась с молитвой о правосудии, о силе, чтобы стремиться к нему, и о мудрости, чтобы понять, когда оно совершится; к Воину – с просьбой дать Роббу сил и хранить его в сражениях. Под конец она повернулась к Старице, которую ваятели часто изображали с лампой в руке.

– Веди меня, о мудрейшая. Укажи мне путь, которым я должна следовать, и не дай споткнуться во тьме, что лежит впереди.

Тут позади нее послышались шаги, и за дверью зашумели.

– Прошу прощения, миледи, – мягко сказал сир Робар, – но наше время на исходе. До рассвета мы должны вернуться в лагерь.

Кейтилин поднялась. Колени ныли, и она многое отдала бы сейчас за мягкую перину и подушку.

– Благодарю вас, сир. Я готова.

Они молча ехали через редкие рощи, где деревья, как пьяные, клонились в сторону, противоположную морю. Беспokoйное ржание лошадей и бряцание стали указывало им дорогу к лагерю Ренли. Длинные шеренги коней и всадников в доспехах вырисовывались во мраке, словно Кузнец самую ночь перековал в сталь. Знамена тянулись и справа, и слева, и на много рядов впереди, но в предрассветной тьме не видно было ни цветов, ни эмблем. «Серая армия, – подумала Кейтилин. – Серые люди на серых конях под серыми знаменами». Теневые всадники Ренли ждали, подняв копья вверх, и она ехала через лес с высокими нагими деревьями, лишенными листьев и жизни. Штормовой Предел казался сгустком более глубокой тьмы, черной стеной, сквозь которую не просвечивали звезды, но на поле, где разбил свой лагерь лорд Станнис, мелькали факелы.

Шелковый шатер Ренли, озаренный свечами, светился точно волшебный изумрудный фонарь. Двое радужных гвардейцев охраняли вход. Зеленый свет из шатра придавал странный оттенок лиловым сливам на камзоле сира Пармена и болезненный – подсолнухам, усеивающим желтый эмалевый панцирь сира Эммона. Длинные шелковые плюмажи украшали их шлемы, плечи окутывали радужные плащи.

Внутри шатра Бриенна одевала короля в доспехи перед боем, а лорды Тарли и Рован обсуждали с ним диспозицию и тактику. От дюжины маленьких жаровен шло приятное тепло.

– Мне нужно поговорить с вами, ваша милость, – сказала Кейтилин, назвав его вопреки обыкновению королевским титулом: что угодно, лишь бы он ее выслушал.

– Одну минуту, леди Кейтилин. – Бриенна как раз застегивала его панцирь поверх стеганого нижнего камзола. Густо-зеленые, цвета летних листьев, королевские доспехи были так темны, что поглощали пламя свечей. Инкрустации и застёжки отсвечивали золотом, точно костры в лесу, мерцая при каждом движении Ренли. – Продолжайте, пожалуйста, лорд Матис.

– Я говорю, ваша милость, что наше войско уже выстроено и готово к бою, – сказал Матис Рован, покосившись на Кейтилин. – К чему ждать рассвета? Прикажите выступать.

– Чтобы все потом говорили, что я победил предательским путем, предприняв вероломную атаку? Сражение назначено на рассвете.

– Назначено Станнисом, – заметил Рендилл Тарли. – Ему-то как раз выгодно, чтобы мы наступали против восходящего солнца. Мы будем наполовину слепы.

– Только до первого удара. Сир Лорас прорвет их оборону, и все перемешается. – Бриенна затянула зеленые кожаные тесемки и застегнула золотые пряжки. – Когда мой брат погибнет, позаботьтесь, чтобы его тело не бесчестили. Он моя кровь, и я не допущу, чтобы его голову таскали на копье.

– А если он сдастся? – спросил лорд Тарли.

– Сдастся? – засмеялся лорд Рован. – Когда Мейс Тирелл осадил Штормовой Предел, Станнис ел крыс, но ворот так и не открыл.

– Как же, помню. – Ренли поднял подбородок, чтобы Бриенна могла закрепить латный воротник. – Ближе к концу сир Гавен Уайлд и трое его рыцарей попытались улизнуть через калитку, чтобы сдаться врагу. Станнис схватил их и велел выстрелить ими из катапульты. До сих пор вижу лицо Гавена, когда его привязывали. Он был у нас мастером над оружием.

– Но к нам со стен никого не сбрасывали, – удивился лорд Рован. – Я бы запомнил.

– Мейстер Крессен сказал Станнису, что нам, возможно, придется есть своих мертвецов и незачем выбрасывать хорошее мясо. – Ренли откинул волосы назад; Бриенна связала их бархатным шнуром и натянула на уши стеганый подшлемник. – Мертвых нам благодаря Луковому Рыцарю есть не пришлось, но мы были уже на грани. И сиру Гавену, умершему в темнице, грозила большая опасность.

– Ваша милость. – Кейтилин ждала терпеливо, но время было на исходе. – Вы обещали уделить мне внимание.

Ренли кивнул.

– Ступайте к войскам, милорды... и вот что: если Барристан Селми будет на стороне моего брата, я хочу, чтобы его пощадили.

– О сире Барристане ничего не было слышно с тех пор, как Джоффри его выгнал, – возразил лорд Рован.

– Я этого старика знаю. Ему непременно нужен король, которого бы он охранял, – только ради этого он и живет. Однако ко мне он не явился, и леди Кейтилин говорит, что у Робба Старка в Риверране его тоже нет. Где же еще ему быть, как не у Станниса?

– Приказ вашей милости будет исполнен. Ему не причинят вреда. – Лорды откланялись и вышли.

– Я слушаю вас, леди Старк. – Бриенна накинула плащ на широкие плечи Ренли – тяжелый, парчовый, с выложенным кусочками янтаря коронованным оленем Баратеонов.

– Ланнистеры пытались убить моего сына Брана. Я тысячу раз спрашивала себя почему, и ваш брат дал мне ответ. В тот день, когда он упал, была охота. Роберт, Нед и почти все остальные мужчины отправились травить вепря, но Джейме Ланнистер остался в Винтерфелле – и королева тоже.

Ренли быстро смекнул, в чем дело.

– И вы полагаете, что мальчик застал их на месте преступления...

– Прошу вас, милорд, позвольте мне отправиться к вашему брату Станнису и рассказать ему о моих подозрениях.

– С какой целью?

– Робб сложит с себя корону, если вы с братом поступите так же. – Кейтилин очень на это надеялась. Она заставит его, если нужно. Робб послушает ее, даже если его лорды не послушают. – Вы втроем созовете Великий совет, который не созывался уже целое столетие. Мы пошлем в Винтерфелл за Браном, он расскажет свою историю, и все

услышат, что настоящие узурпаторы – это Ланнистеры. Пусть лорды Семи Королевств сами выберут себе правителя.

– Скажите, миледи, – засмеялся Ренли, – разве лютovolки решают большинством голосов, кто будет вожаком стаи? – Бриенна подала

перчатки и шлем с золотыми оленьими рогами, которые сделают короля на полтора фута выше. – Время разговоров прошло. Настала пора решить, кто из нас сильнее. – Ренли надел расклешенную, зеленую с золотом перчатку на левую руку, а Бриенна стала на колени, чтобы застегнуть на нем пояс с мечом и кинжалом.

– Умоляю вас именем Матери... – начала Кейтилин, и тут сильный порыв ветра внезапно ворвался в дверь шатра. Ей померещилось какое-то движение – но нет, это только тень короля перемещалась по шелковым стенам. Ренли шутливо сказал что-то, и его тень, черная на зеленом, подняла меч. Огоньки свечей колебались, мигали, что-то было не так – и Кейтилин вдруг поняла что: меч короля оставался в ножнах, в то время как теневой меч...

– Холодно, – тихо и удивленно промолвил Ренли, а миг спустя его стальной латный ворот лопнул, как сырная корка, под напором теневого клинка. Ренли едва успел ахнуть, прежде чем кровь хлынула у него из горла.

– Ваше вел... нет! – закричала Бриенна Синяя, перепугавшись, как маленькая девочка. Король упал ей на руки, и кровь залила его доспехи темно-красной волной, затопившей и зелень, и золото. Свечи мигали и гасли. Ренли, пытаясь сказать что-то, захлебывался собственной кровью. Ноги подкосились под ним, и только сила Бриенны не давала ему упасть. Она запрокинула голову и издала громкий вопль, не находя слов от горя.

Тень. Произошло нечто темное, злое и недоступное пониманию Кейтилин. Эту тень отбрасывал не Ренли. Смерть вошла в эту дверь и задула его жизнь так же быстро, как ветер задул его свечи.

Всего через пару мгновений в шатер ворвались Робар Ройс и Эммон Кью – а казалось, будто прошла половина ночи. Позади толклись латники с факелами. Увидев Ренли на руках у Бриенны, залитой кровью, сир Робар в ужасе вскрикнул, а сир Эммон в расписанном подсолнечниками панцире завопил:

– Ведьма! Прочь от него, гнусная женщина!

– Боги праведные, Бриенна, за что? – спросил сир Робар.

Бриенна подняла на них глаза. Ее радужный плащ, весь мокрый от крови, сделался красным.

– Я... я...

– Ты поплатишься за это жизнью. – Сир Эммон выхватил боевой топор с длинной рукоятью из груды оружия у двери. – Твоя жизнь за жизнь короля!

– Нет! – вскричала Кейтилин Старк, обретя наконец голос, но было уже поздно: кровавое безумие овладело ими, и они кричали громче, чем она.

Зато Бриенна проявила невиданное проворство. Ее собственный меч был далеко, поэтому она выхватила из ножен клинок Ренли и успела отразить удар топора. Сталь, стукнувшись о сталь, высекла иссиня-белую искру, и Бриенна вскочила на ноги, бросив мертвого короля. Тело упало на Эммона, и он пошатнулся, а меч Бриенны расщепил деревянную рукоять топора, выбив его из руки рыцаря. Кто-то другой швырнул факел Бриенне в спину, но промокший радужный плащ не загорелся. Бриенна, повернувшись, отсекала руку, бросившую факел. Пламя ползло по ковру, раненый громко кричал. Сир Эммон возился с мечом. Второй латник ринулся вперед, Бриенна встретила его, и их клинки зазвенели. Эммон Кью пришел на подмогу, Бриенне пришлось отступить, но она умудрялась отбиваться от них обоих. Голова лежащего Ренли беспомощно откинулась набок, и на ней разверзся второй рот, медленно выбрасывая остатки крови.

Сир Робар, до сих пор медливший, тоже взялся за меч. Кейтилин схватила его за руку.

– Нет, Робар, послушайте меня. Это не она. Помогите ей! Это не она – это Станнис. – Кейтилин сама не знала, как ей пришло на ум это имя, но, произнеся его, поняла, что это правда. – Клянусь вам, вы же меня знаете: это Станнис убил его.

Молодой рыцарь уставился на нее, как на сумасшедшую, побелевшими от страха глазами.

– Станнис? Но как?

– Не знаю. Это колдовство, какая-то темная магия: здесь была тень. Тень! – Ей самой казалось, что ее голос безумен, но слова продолжали литься из нее под неутрахающий лязг клинков. – Тень с мечом, клянусь. Я видела. Слепы вы, что ли, – эта девушка любила его! Помогите ей! – Кейтилин оглянулась – солдат упал, выронив меч из ослабевших пальцев. Снаружи слышались крики – вот-вот сюда ворвется еще больше разгневанных мужчин. – Она невинна, Робар, даю тебе слово, клянусь в том могилой моего мужа и честью женщины дома Старк!

Это его убедило.

– Я удержу их. Уведите ее. – Он повернулся и вышел.

Огонь добрался до стенки шатра. Сир Эммон наступал – желтая сталь против шерстяного камзола Бриенны. Он совсем забыл о Кейтилин, а напрасно: она огрела его по затылку железной жаровней. Он был в шлеме, и удар не причинил ему особого вреда, только повалил его на колени.

– Бриенна, за мной, – скомандовала Кейтилин, и девушка послушалась незамедлительно. Взмах клинка распорол шелк палатки, и они вышли в сумрачный холод рассвета. С другой стороны шатра слышались громкие голоса. – Сюда – только медленно, иначе нас спросят, почему мы бежим. Иди как ни в чем не бывало.

Бриенна сунула меч за пояс и зашагала рядом с Кейтилин. В воздухе пахло дождем. Королевский шатер позади пылал, выбрасывая высокий столб пламени. Женщин никто не останавливал. Люди бежали мимо них с криками «Пожар!», «Убивают!», «Колдовство!». Другие, собравшись в кучки, тихо переговаривались. Кто-то молился, а молодой оруженосец, стоя на коленях, плакал навзрыд.

Слух передавался из уст в уста, и боевые порядки Ренли ломались. Костры догорали, на востоке брезжил свет, громада Штормового Предела вырисовывалась на небе, как каменный сон, и клубы тумана ползли через поле, убегая от солнца на крыльях ветра. Утренние призраки, называла их Старая Нэн, духи, что возвращаются в свои могилы. Теперь и Ренли стал одним из них – как его брат Роберт, как дорогой муж Кейтилин Нед.

– Я ни разу не обманывала его прежде, – тихо сказала Бриенна, идя сквозь суматоху встревоженного лагеря. Ее голос показывал, что она может сломаться в любое мгновение. – Только что он смеялся, и вдруг эта кровь... миледи, я ничего не понимаю. Вы ведь видели, да?

– Я видела тень. Сначала я подумала, что это тень Ренли, но это была тень его брата.

– Лорда Станниса?

– Я почувствовала, что это он. Я знаю, это звучит бессмысленно, но...

Но для Бриенны это имело смысл.

– Я убью его, – заявила она. – Убью собственным мечом моего лорда – клянусь. Клянусь. Клянусь.

Хал Моллен и другие люди Кейтилин ждали с лошадьми. Сиру Венделу Мандерли не терпелось узнать, что стряслось.

– Миледи, весь лагерь точно обезумел, – закричал он, увидев Кейтилин. – Правда ли, что лорд Ренли... – И он осекся, уставившись на залитую кровью Бриенну.

– Он мертв, но мы в этом неповинны.

– Но битва... – начал Хал Моллен.

– Битвы не будет. – Кейтилин села на коня, и весь эскорт последовал ее примеру. Сир Вендел поместился слева от нее, сир Первин Фрей – справа. – Бриенна, коней у нас вдвое больше, чем всадников. Выбери себе какого хочешь и едем с нами.

– У меня есть свой конь, миледи. И доспехи...

– Оставь их. Надо ускакать как можно дальше, пока нас не хватились. Мы обе были с королем в миг его гибели, и нам этого не забудут. – Бриенна молча отправилась выполнять приказ Кейтилин. – Поехали, – скомандовала та, когда все расселись по седлам. – Рубите всех, кто попытается задержать нас.

Длинные пальцы рассвета потянулись через поля, возвращая миру краски. Там, где серые люди сидели на серых конях с теньевыми копьями, заблестали холодным блеском десять тысяч наконечников, и знамена налились красным, розовым и оранжевым, стали синими и бурыми, засверкали золотом и желтизной. Здесь была представлена вся мощь Штормового Предела и Хайгардена – мощь, еще час назад принадлежавшая Ренли. Теперь они принадлежат Станнису, поняла Кейтилин, хотя еще об этом не знают. Куда же еще им податься, как не к последнему Баратеону? Станнис победил их всех одним коварным ударом.

«Я законный король, – заявил он ей, сцепив свои железные челюсти, – а сын ваш изменник не в меньшей степени, чем мой брат. Его час еще настанет».

Кейтилин проняло холодом.

Джон

Холм вздымался над лесом, одинокий и видный за много миль. Разведчики сказали, что одичалые называют его Кулаком Первых Людей. Он и правда походил на кулак, пробивший землю и лес, – голый, с каменными костяшками.

Джон въехал на его вершину вместе с лордом Мормонтом и офицерами, оставив Призрака внизу. Волк во время подъема убегал трижды и трижды неохотно возвращался на свист Джона. На третий раз лорд-командующий потерял терпение и рявкнул:

– Отпусти его, парень. Я хочу добраться до вершины еще засветло. После отыщешь своего волка.

Подъем был крут и каменист, вершину венчала кое-как сложенная стена по грудь вышиной. Им пришлось проехать немного на запад, прежде чем нашелся проем, достаточно широкий для лошадей.

– Хорошее место, Торен, – заметил Старый Медведь. – Едва ли мы могли надеяться на лучшее. Разобьем лагерь здесь и подождем Полурукого. – Мормонт спешился, стряхнув с плеча ворона, и тот громко жалуясь, поднялся в воздух.

С холма открывался широкий вид, но внимание Джона прежде всего привлекла стена, обветренные серые камни с пятнами белого

лишайника и зеленого мха. По преданию, Кулак был крепостью Первых людей в Рассветную эпоху.

– Древнее место. Крепкое, – сказал Торен Смолвуд.

– Древнее, – подтвердил ворон Мормонта, хлопая крыльями у них над головами. – Древнее, древнее.

– Тихо ты, – проворчал Мормонт. Старый Медведь был слишком горд, чтобы сознаться в своей слабости, но Джона обмануть не мог. Усилия, которые он прилагал, чтобы держаться наравне с молодыми, тяжело сказывались на нем.

– Эту высоту будет легко оборонять в случае нужды, – заметил Торен, направив своего коня шагом вдоль стены. Его подбитый сободем плащ трепетал на ветру.

– Да, она нам в самый раз подходит. – Старый Медведь подставил руку под ветер, и ворон сел на нее, царапая когтями по черной кольчуге.

– А как же вода, милорд? – спросил Джон.

– У подножия холма течет ручей.

– Далеко же придется спускаться, чтобы попить, – и для этого надо будет выйти за стену.

– Тебе лень лишний раз влезть, парень? – спросил Торен.

– Другого такого удачного места нам не найти, – сказал лорд Мормонт. – Воды мы натаскаем и позаботимся, чтобы она всегда была в запасе. – Джон промолчал. Приказ был отдан, и Ночной Дозор разбил лагерь внутри каменного кольца, сложенного Первыми людьми. Черные палатки выросли на холме, как грибы после дождя, и голую землю устелили одеяла. Стюарды привязывали лошадей, поили их и давали корм. Лесовики взяли топоры и при слабом предвечернем свете пошли запасать дрова на ночь. Строители корчевали кусты, копали отхожие канавы и распаковывали связки устойчивых против огня кольев.

– Чтоб до темноты все дыры в стене были загорожены, – приказал Старый Медведь.

Джон, поставив палатку лорду-командующему и позаботившись о лошадях, спустился с холма поискать Призрака. Волк сразу же появился, очень тихий. Только что Джон шел по лесу, крича и свистя, ступая один по шишкам и опавшим листьям, и вдруг рядом с ним возник большой лютоволк, белый, как утренний туман.

Но как только они дошли до стены, Призрак снова отступил. Он настороженно понюхал проем и повернулся назад, словно ему не понравился запах. Джон сгрел волка за шкуру и попытался втащить за кольцо, но не тут-то было: волк весил столько же, сколько он, и был гораздо сильнее.

– Призрак, что с тобой? – Это было совсем на него не похоже, но делать нечего – пришлось Джону в конце концов сдаться. – Ну, как хочешь. Ступай охотиться. – Красные глаза волка следили за ним, когда он прошел за обомшелые камни.

Позиция как будто бы сулила полную безопасность. С холма было видно далеко кругом, склоны на севере и западе представляли собой крутые обрывы, а восточный был немногим более доступен. Но по мере того как сгущались сумерки и темнота заполняла прогалы между деревьями, беспокойство Джона усиливалось. «Это ведь Зачарованный лес, – сказал он себе. – Быть может, здесь водятся привидения, духи Первых людей. Как-никак это их место».

«Перестань ребячиться», – велел он себе, влез на стену и стал смотреть на закат. Река Молочная, текущая на юг, сверкала, как кованое золото. Вверх по течению местность делалась более гористой – густой лес на севере и западе уступал место голым каменным холмам. На горизонте цепь за цепью вставали горы с вечно одетыми снегом вершинами, уходя в серо-голубую даль. Даже издали они казались бескрайними, холодными и негостеприимными.

Ближе к Кулаку царили деревья. На юге и востоке лес тянулся, сколько видел глаз, переливаясь тысячью оттенков зелени. Красные пятна виднелись там, где чардрово росло среди сосен и страждеревьев, желтые – там, где меняли цвет широколисты. Когда дул ветер, ветви, старше годами, чем Джон, поднимали стон и скрип, мириады листьев приходили в движение, и лес превращался в глубокое зеленое море, колеблемое штормом, вечное и непознаваемое.

«Призрак уж верно там не один», – подумал Джон. Что угодно может двигаться в глубинах этого моря, прячась под деревьями, подкрадываясь к холму сквозь темный лес. Что угодно. Неведомо что. Джон долго стоял на стене, пока солнце не скрылось за зубьями гор и тьма не затопила лес.

– Джон? – позвал Сэмвел Тарли. – Я так и думал, что это ты. Все в порядке?

– Вроде бы. – Джон соскочил вниз. – А у тебя как день прошел?

– Хорошо. Правда хорошо.

Джон не хотел делиться с другом своими опасениями, благо Сэм Тарли наконец-то начал обретать мужество.

– Старый Медведь хочет дождаться здесь Куорена Полурукого и людей из Сумеречной башни.

– Что ж, место как будто подходящее. Крепость Первых людей. Как ты думаешь, здесь были сражения?

– Конечно, были. Ты готовь птицу, вот что. Мормонт наверняка захочет отправить отсюда весть.

– Я бы всех воронов охотно разослал. Уж очень они не любят сидеть в клетке.

– Ты тоже не любил бы, если б умел летать.

– Если б я умел летать, я был бы уже в Черном замке и ел пирог со свининой.

Джон стиснул плечо Сэма обожженной рукой, и они вместе зашагали по лагерю. Повсюду зажигались костры, а на небе показывались звезды. Длинный красный хвост Факела Мормонта светил ярко, как луна. Джон услышал воронов до того, как увидел их. Некоторые выкрикивали его имя. И любят же они погалдеть.

Они тоже это чувствуют...

– Пойду-ка я к Старому Медведю. Он тоже начинает каркать, если его не покормишь.

Мормонт разговаривал с Тореном Смолвудом и полудюжиной других офицеров.

– А, вот и ты, – проворчал старик. – Принеси-ка горячего вина. Холодно что-то.

– Да, милорд. – Джон развел костер, взял у обозных бочонок любимого Мормонтом красного вина, наполнил котелок и повесил его над огнем, а сам стал собирать остальное. Старый Медведь был очень разборчив относительно своего горячего вина. Столько-то корицы, столько-то мускатного ореха, столько-то меда – ни больше ни меньше. Изюм, орехи, сушеные вишни, но лимона не надо – это гнуснейшая южная ересь. Странное дело – ведь утреннее пиво Мормонт всегда пьет с лимоном. Напиток должен быть достаточно горяч, чтобы согреть человека как следует, но не должен обжигать. Джон бдительно следил за котелком.

Занимаясь своим делом, он слышал голоса из палатки. Джармен Баквелл говорил:

– Самая легкая дорога в Клыки Мороза – это идти по Молочной вверх до ее истока. Но если мы пойдем этим путем, Налетчик узнает о нашем приближении как пить дать.

– Можно пойти по Лестнице Гигантов, – сказал сир Малладор Локк, – или через Воющий перевал, если он свободен.

От вина пошел пар. Джон снял котелок с огня, наполнил восемь чаш и отнес в палатку. Старый Медведь, щурясь, разглядывал грубую карту, которую нарисовал ему Сэм в Замке Крастера. Он взял чашу с подноса, сделал глоток и коротко кивнул в знак одобрения. Ворон скакнул ему на руку, сказав:

– Зерно. Зерно.

Сир Оттин Уитерс отмахнулся от вина.

– Я бы вовсе не стал лезть в горы, – сказал он тонким, выдающим усталость голосом. – Клыки Мороза даже летом не подарок, а уж теперь... если нас там застигнет буря...

– Я пойду туда лишь в случае крайней нужды, – сказал Мормонт. – Одичалые не больше нашего способны жить среди камней и снега. Скоро они спустятся со своих высот, а для войска, какой бы величины оно ни было, путь один – вдоль Молочной. Если так, то наша позиция здесь очень выгодна. Мимо нас они не проскочат.

– Может, им это и ни к чему. Их тысячи, а нас вместе с людьми Полурукого будет триста. – Сир Малладор взял у Джона чашу.

– Если дойдет до боя, нам тем более нельзя терять эту позицию, – заявил Мормонт. – Мы укрепим оборону. Ямы, колья, колючки на склонах, все бреши в Стене заделаем. Джармен, поставь наблюдателями самых глазастых своих ребят. Пусть станут кольцом вокруг нас и вдоль реки тоже, чтобы сразу предупредить о приближении врага. Рассади их на деревьях. Кроме того, начнем таскать воду, чтобы запастись как можно больше. Выроем цистерны. Это даст людям занятие и пригодится впоследствии.

– Мои разведчики... – начал Торен Смолвуд.

– Твои разведчики будут ограничиваться этой стороной реки, пока не подойдет Полурукий, а там поглядим. Я не хочу больше терять людей.

– Может быть, Манс Налетчик собирает свое войско в дневном переходе отсюда, а нам и невдомек, – возразил Смолвуд.

– Мы знаем, где собираются одичалые. Крастер сказал нам. Я его не люблю, но не думаю, что он солгал нам в этом.

– Воля ваша. – Смолвуд надулся и вышел. Остальные допили вино и более учтивым манером последовали за ним.

– Принести вам ужин, милорд? – спросил Джон.

– Зерно, – крикнул ворон. Мормонт ответил не сразу, да и то вопросом на вопрос:

– Нашел твой волк сегодня какую-нибудь дичь?

– Он еще не вернулся.

– Свежее мясо нам бы пригодилось. – Мормонт запустил руку в мешок и дал ворону пригоршню зерна. – По-твоему, я не прав, что удерживаю разведчиков здесь?

– Рассуждать не мое дело, милорд.

– Отвечай, когда спрашивают.

– Если разведчики будут оставаться в виду Кулака, я не вижу, как они найдут моего дядю, – признался Джон.

– Они его и так не найдут. Этот край слишком велик – что для двухсот, что для десяти тысяч. – Ворон принялся клевать с ладони Мормонта. Когда зерно кончилось, Старый Медведь перевернул руку.

– Но вы же не откажетесь от поисков?

– Мейстер Эймон говорит, что ты умный парень. – Мормонт пересадил ворона на плечо. Тот склонил голову, поблескивая бусинками глаз.

Джон понял, что это и есть ответ.

– Мне кажется... кажется, что легче одному человеку найти двести, чем двумстам одного.

Ворон издал скрипучий вопль, а Старый Медведь улыбнулся в седую бороду.

– Такое количество людей и лошадей оставляет след, с которого даже Эймон бы не сбился. Костры на этом холме должны быть видны от самых Клыков Мороза. Если Бен Старк жив и свободен, он придет к нам сам, не сомневаюсь.

– Ну а если... если он...

– Мертв? – подсказал Мормонт.

Джон неохотно кивнул.

– Мерत्व, – сказал ворон. – Мерत्व, мертв.

– Он все равно придет к нам. Как пришли Отор и Яфер Флауэрс. Я боюсь этого не меньше, чем ты, Джон, но мы должны и это принять в расчет.

– Мерत्व, – крикнул ворон, встопорщив крылья, громко и пронзительно. – Мерत्व.

Мормонт погладил его черные перья и зевнул, прикрыв рот рукой.

– Не буду я ужинать, пожалуй. Лучше отдохну. Разбуди меня, как рассветет.

– Спокойной ночи, милорд. – Джон собрал пустые чаши и вышел. Где-то слышался смех, и жалобно пела волынка. В середине лагеря трещал большой костер, и пахло мясной похлебкой. Джон, не в пример Старому Медведю, проголодался и пошел на огонь.

Дайвен разглагольствовал с ложкой в руке:

– Я знаю этот лес, как никто, и вот что скажу вам: не хотел бы я оказаться в нем один нынче ночью. Не чуете разве?

Гренн молча пялил на него глаза, Скорбный Эдд сказал:

– Я чую только дерьмо двухсот лошадей да еще похлебку. Одно на другое похоже, если приняхаться хорошенько.

– Схлопочешь сейчас, «похоже». – Хейк налил миску варева Джону.

Похлебка была густая, с ячменем, морковкой и луком. Кое-где попадались кусочки разварившейся солонины.

– А ты что чуешь, Дайвен? – спросил Гренн.

Лесовик отправил ложку в рот. Свои зубы он вынул. Лицо у него было морщинистое, пальцы скрюченные, как старые корни.

– Сдается мне, что пахнет тут... холодом.

– Зубы у тебя деревянные и башка тоже, – сказал Хейк. – У холода запаха нет.

Есть, подумал Джон, вспомнив ночь в покоях лорда-командующего. Он пахнет смертью. Ему вдруг расхотелось есть. Он отдал свою миску Гренну, который явно нуждался в лишней порции – у парня зуб на зуб не попадал.

Ветер усилился. К утру землю покрывает иней, и палаточные растяжки задубеют. В котелке еще оставалось немного вина. Джон подбросил топлива в огонь и разогрел питье. В ожидании он сгибал и разгибал пальцы, пока по руке не побежали мурашки. Первая стража

заняла посты вокруг лагеря. Вдоль всей стены мигали факелы. Ночь была безлунная, но с множеством звезд.

Из мрака донесся звук, слабый и далекий, но легко узнаваемый: волчий вой. Голоса стаи поднимались и опадали – от этой жуткой унылой песни у Джона встали дыбом волосы на затылке. При свете костра он увидел пару красных глаз, глядящих на него из темноты.

– Призрак, – изумленно выдохнул Джон, – так ты пришел все-таки? – Белый волк часто охотился всю ночь, и Джон не ожидал увидеть его до рассвета. – Что, охота плохая? Иди сюда.

Лютоволк беспокойно обошел вокруг костра, понюхал Джона, понюхал ветер. Мяса ему, похоже, сейчас не хотелось. «Когда мертвые встали, Призрак знал. Он разбудил меня, предостерег». Джон в тревоге поднялся на ноги.

– Там что-то есть? Ты что-то чувствуешь, да? – Дайвен сказал, что чувствует холод.

Лютоволк скакнул прочь, остановился, оглянулся. «Хочет, чтобы я шел за ним». Подняв капюшон плаща, Джон оставил тепло костра, двинулся мимо палаток, мимо загона с лохматыми лошадами. Одна из них тревожно заржала, когда около пробежал Призрак. Джон ласково пошептал ей, потрепал по морде. Стена была близко – ветер свистел, проникая в ее трещины. Услышав оклик часового, Джон вышел на свет факела.

– Мне надо принести воды для лорда-командующего.

– Ну давай, только быстро. – Съежился под черным плащом, нахлобучив капюшон от ветра – даже не посмотрел, есть у Джона ведро или нет.

Джон протиснулся боком между двумя острыми кольями, Призрак пролез внизу. Факел, воткнутый в трещину, под ветром выбрасывал бледно-рыжие языки. Джон взял его, выйдя за стену. Призрак понесся вниз по холму. Джон последовал за ним чуть медленнее, светя себе факелом. Звуки лагеря затихли позади. Ночь была черна, склон крут, каменист и неверен. Оплошаешь – и можно запросто сломать лодыжку... или шею. «Что я, собственно, делаю?» – спросил себя Джон, спускаясь вниз.

Под ним стояли деревья, воины в броне из коры и листьев. Молча сомкнули ряды – ждут команды, чтобы двинуться на холм. Черные... зелень проглядывает, только когда свет факела попадает на них.

Слышалось слабое журчание воды по камням. Призрак скрылся в подлеске. Джон двинулся за ним, прислушиваясь к ручью и к шелесту листьев. Одни ветки цеплялись за плащ, другие, сомкнувшись над головой, заслоняли звезды.

Волк лакал из ручья.

– Призрак, – позвал Джон, – ко мне, быстро. – Волк поднял голову, зловеще светя красными глазами, вода стекала у него по морде, как слюна. Что-то страшное было в нем в этот миг. Он шмыгнул мимо Джона, понесся между деревьями. – Призрак, погоди. – Но волк его не слушал. Белый, он исчез во мраке, предоставив Джону выбирать – снова лезть на холм в одиночку или следовать за ним.

Джон сердито углубился в лес, держа факел как можно ниже, чтобы разглядеть камни и корни, сами лезущие по ноги, и ямки, где можно свихнуть ногу. Через каждые несколько футов он звал Призрака, но ветер, рыщущий между деревьями, уносил его голос. Это безумие, думал он, уходя все дальше. Он уже собирался повернуть назад, когда увидел белый проблеск впереди справа, по направлению к холму, и устремился туда, ругаясь вполголоса.

Он почти нагнал волка, потерял его снова и остановился перевести дух среди кустов, колючек и каменных осыпей у подножия холма. Мрак обступал его факел со всех сторон.

Скребущий звук заставил его обернуться. Он пошел в ту сторону, пробираясь между валунами и терновником. За поваленным стволом он опять увидел Призрака. Лютоволк яростно рыл землю, выбрасывая ее вверх.

– Что ты там нашел? – Джон опустил факел, осветив круглый холмик мягкой земли. Могила. Но чья?

Он стал на колени, воткнув факел в землю. Рыхлая песчаная почва легко поддавалась пальцам. Здесь не было ни камней, ни корней. Что бы ни лежало там внизу, это положили сюда недавно. На глубине двух футов его руки нащупали ткань. Джон ожидал и боялся найти труп, но это было что-то другое. Под тканью чувствовались мелкие, твердые, неуступчивые предметы. Запаха не было, могильных червей тоже. Призрак сел, наблюдая за Джоном.

В земле лежал круглый узел около двух футов в поперечнике. Джон подцепил его пальцами за края и вытащил – внутри при этом что-то

звякнуло. «Клад», – подумал он, но содержимое узла не походило на монеты, а звук был не металлический.

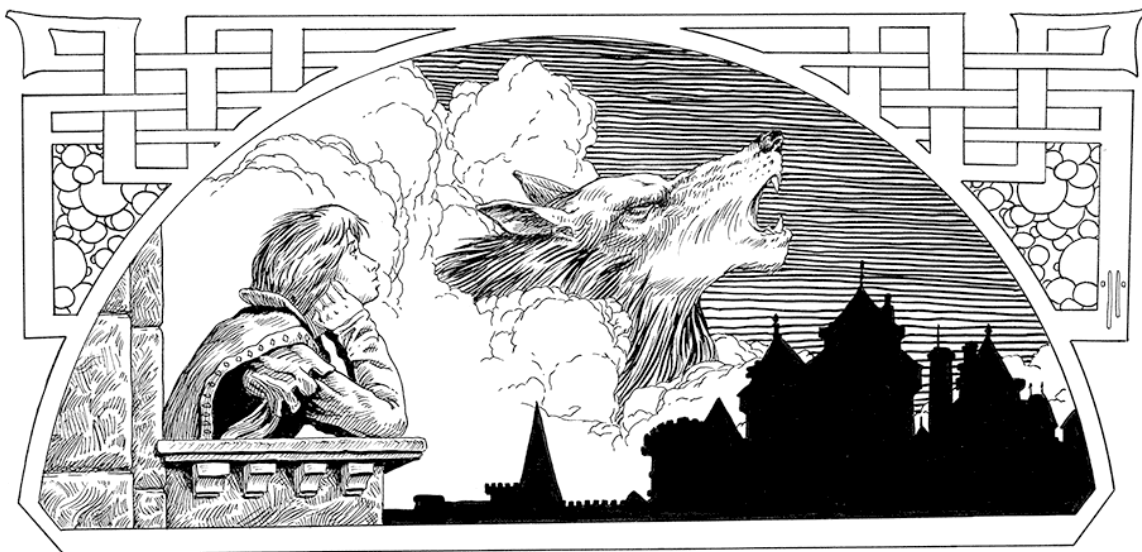
Джон разрезал кинжалом истрепанную веревку и развернул ткань. Содержимое высыпалось на землю, сверкая темным блеском. Джон увидел дюжину ножей, листовидные наконечники копий, многочисленные наконечники стрел. Он взял в руки клинок – легкий как перышко, черный и блестящий, без рукоятки. При свете пламени тонкая оранжевая линия по краям указывала, что нож остер, как бритва. Драконово стекло. Мейстеры называют его обсидианом. Может, Призрак открыл древний тайник Детей Леса, укрытый здесь тысячи лет назад? Кулак Первых Людей – место старинное, вот только...

Под драконовым стеклом лежал рог зубра, оправленный в бронзу. Старый боевой рог. Джон вытряхнул из него грязь и наконечники стрел, а после потер между пальцами угол ткани. Хорошая шерсть, толстая, двойная основа. Отсырела, но не сгнила. Она не могла долго пролежать в земле. И она темная. Джон подтянул ее ближе к факелу. Не просто темная – черная.

Не успев еще развернуть ткань, Джон понял, что держит в руках плащ черного брата Ночного Дозора.

Бран

Элбелли нашел его в кузнице, где Бран качал мехи для Миккена.

– Мейстер зовет вас в башню, милорд принц. От короля прилетела птица.

– От Робба? – Бран, придя в волнение, не стал дожидаться Ходора и позволил Элбелли внести его наверх. Элбелли тоже здоровяк, хотя не такой большой, как Ходор, и далеко не такой сильный. Когда они добрались до комнат мейстера, он стал весь красный и запыхался. Рикон был уже тут, и оба Уолдера тоже.

Мейстер Лювин отпустил Элбелли и закрыл за ним дверь.

– Милорды, – сказал он торжественно, – мы получили известие от его милости, где есть и хорошие новости, и дурные. Он одержал великую победу на западе, разбив армию Ланнистеров в месте под названием Окскросс, и занял несколько замков. Он пишет нам из Эшмарка, бывшего поместья дома Марбрандов.

Рикон дернул мейстера за полу.

– Робб собирается домой?

– Боюсь, не теперь еще. Впереди у него новые сражения.

– Это он лорда Тайвина побил? – спросил Бран.

– Нет. Вражеским войском командовал сир Стаффорд Ланнистер. Он был убит в бою.

Бран никогда не слыхивал о сире Стаффорде Ланнистере и готов был согласиться с Уолдером Большим, когда тот сказал:

– Лорд Тайвин – единственный, кто чего-то стоит.

– Напиши Роббу, чтобы ехал домой, – сказал Рикон. – Волка пусть тоже привезет и отца с матерью. – Рикон знал, что лорд Эддард умер, но иногда забывал об этом... нарочно, как полагал Бран. Его брат очень упрям для четырехлетнего.

Бран порадовался победе Робба, но и обеспокоился тоже. Он помнил, что сказала Оша в тот день, когда Робб выступил с войском из Винтерфелла: «Он идет не в ту сторону».

– К сожалению, ни одна победа не обходится без потерь. – Мейстер Лювин повернулся к Уолдерам. – Милорды, ваш дядя Стеврон Фрей был в числе тех, кто расстался с жизнью при Окскроссе. Робб пишет, что он получил рану в бою. Ее не считали тяжелой, но через три дня сир Стеврон умер в своей палатке во время сна.

– Он был уже старый, – пожал плечами Уолдер Большой. – Шестьдесят пять, кажется, ему было. Слишком старый для сражений. Он всегда говорил, что устал.

– Устал ждать, когда дед умрет, вот что, – фыркнул Уолдер Малый. – Выходит, наследник теперь – сир Эммон?

– Не будь дураком, – сказал его кузен. – Сначала идут сыновья первого сына, а потом уж второй сын. Следующий в ряду – сир Рима, потом Эдвин, Уолдер Черный и Петир Прыщ. А после Эйгон и все его сыновья.

– Рима тоже старый. Ему уже за сорок как пить дать. И животом хворает. Думаешь, лордом будет он?

– Лордом буду я. Пусть и он побудет – мне все равно.

– Стыдитесь, милорды, – оборвал их мейстер Лювин. – Неужели вас не печалит кончина вашего дяди?

– Печалит, даже очень, – сказал Уолдер Малый.

Но это была неправда. Брану стало тошно. «Их блюдо понравилось им больше, чем мне мое». Он попросил у мейстера разрешения уйти.

– Хорошо. – Мейстер позвонил. Ходор, должно быть, был занят на конюшне, и на зов пришла Оша. Она была сильнее Элбелли и без труда снесла Брана на руках вниз.

– Оша, – сказал Бран, когда они шли через двор, – ты знаешь дорогу на север? К Стене и... еще дальше?

– Дорогу найти нетрудно. Держи путь на Ледяного Дракона и на голубую звезду в глазу всадника. – Она прошла в дверь и стала подниматься по винтовой лестнице.

– И там все еще живут великаны и эти... Иные и Дети Леса?

– Великанов я видела сама, о Детях слыхала, а белые ходоки... зачем тебе знать?

– А трехглазую ворону ты не видела?

– Нет. Да не больно-то и хотелось, – засмеялась она. Оша открыла ногой дверь в опочивальню Брана и посадила его на подоконник, откуда он мог видеть двор.

Всего через несколько мгновений после ее ухода дверь открылась снова и вошел, незванный, Жойен Рид с сестрой Мирой.

– Вы слыхали про птицу? – спросил Бран. Жойен кивнул. – Это был не ужин, как ты говорил, а письмо от Робба, и мы его не ели, но...

– Зеленые сны порой принимают странную форму, – признал Жойен. – Не всегда легко понять правду, заключенную в них.

– Расскажи мне другой свой сон. О том плохом, что должно прийти в Винтерфелл.

– Так милорд принц теперь верит мне? И прислушивается к моим словам, какими бы странными они ему ни показались?

Бран кивнул.

– Сюда придет море.

– Море?!

– Мне снилось, что вокруг Винтерфелла плещется море. Черные волны били в ворота и башни, а потом соленая вода перехлестнула через стенку и заполнила замок. Во дворе плавали утопленники. Тогда, в Сероводье, я еще не знал их, но теперь знаю. Один – это Элбелли, стражник, который доложил о нас на пиру. Еще ваш септон и кузнец.

– Миккен? – Испуг Брана равнялся его недоумению. – Но ведь море в многих сотнях лиг от нас, а стены Винтерфелла так высоки, что вода нипочем не поднимется до них, даже если бы оно и пришло.

– Глухой ночью соленое море перехлестнет через стену. Я видел раздутые тела утопленников.

– Надо им сказать. Элбелли, и Миккену, и септону Шейли. Сказать, чтобы остерегались воды.

– Это их не спасет, – сказал мальчик в зеленом.

Мира, подойдя к окну, положила руку на плечо Брану.

– Они не поверят, Бран. Ты ведь тоже не верил.

Жойен сел на кровать.

– Теперь расскажи, что снится тебе.

Бран все еще боялся говорить об этом, но он поклялся, что будет доверять им, а Старк из Винтерфелла держит свои клятвы.

– Это другое. Есть волчьи сны и есть другие, гораздо хуже. Когда я волк, я бегаю, охочусь и убиваю белок. А в других является ворона и велит мне лететь. Иногда в этих снах я вижу еще дерево – оно зовет меня по имени, и я боюсь. Но хуже всего бывает, когда я падаю. – Он смотрел на двор, чувствуя себя несчастным. – Раньше я никогда не падал. Я лазал всюду, по крышам и по стенам, и кормил ворон в Горелой башне. Мать боялась, что я упаду, но я знал, что этого не случится. Только потом все-таки случилось, и теперь я все время падаю во сне.

Мира сжала его плечо.

– Это все?

– Кажется, да.

– Оборотень, – сказал Жойен Рид. Бран уставился на него круглыми глазами.

– Что?

– Варг. Оборотень. Звероликий. Вот как тебя будут называть, если узнают про твои волчьи сны.

Эти имена напугали Брана заново.

– Кто будет называть?

– Твои же люди. От страха. Кое-кто даже возненавидит тебя и захочет убить.

Старая Нэн рассказывала про оборотней и звероликих страшные вещи. В ее сказках они всегда были злыми.

– Я не такой. Не такой. Это только сны.

– Волчьи сны – не просто сны. Когда ты бодрствуешь, твой глаз крепко закрыт, но когда ты спишь, он открывается, и твоя душа ищет свою вторую половину. В тебе заключена большая сила.

– Не нужна мне такая сила. Я хочу быть рыцарем.

– Ты хочешь быть рыцарем, но на деле ты оборотень. Ты не можешь изменить это, Бран, не можешь отрицать, и отмахнуться от

этого нельзя. Ты – тот крылатый волк, но летать никогда не будешь. – Жойен подошел к окну. – *Если не откроешь свой глаз.* – И он ткнул двумя пальцами Брана в лоб – сильно. Бран ощупал это место, но нашел только гладкую неповрежденную кожу. Глаза там не было – даже закрытого.

– Как же я его открою, если его там нет?

– Пальцами этот глаз не найдешь. Искать надо сердцем. – Жойен посмотрел Брану в лицо своими странными зелеными глазами. – Или ты боишься?

– Мейстер Лювин говорит, что в снах нет ничего такого, чего можно бояться.

– Есть.

– Что же это?

– Прошое. Будущее. Правда.

Брат и сестра бросили его в полной растерянности. Оставшись один, Бран попытался открыть третий глаз, но он не знал, как это делается. Как он ни морщил лоб и ни тыкал в него, разницы не было. В последующие дни он попробовал предупредить тех, кого видел Жойен, но все вышло не так, как ему хотелось. Миккен счел это забавным. «Море, вон как? Всегда хотел повидать море, но так на нем и не побывал. Выходит, теперь оно само ко мне пожалует? Милостивы же боги, коли так заботятся о бедном кузнеце».

«Боги сами знают, когда взять меня к себе, – спокойно сказал септон Шейли, – но я не думаю, что встречу свою смерть в воде, Бран. Я ведь вырос на берегах Белого Ножа и хорошо плаваю».

Только Элбелли принял слова Брана близко к сердцу. Он сам переговорил с Жойеном, после чего перестал мыться, а к колодцу и близко не подходил. В конце концов от него пошел такой дух, что шесть других стражников бросили его в корыто с кипятком и отскребли докрасна, а он орал, что они его утопят, – лягушатник зря не скажет. После этого случая он при виде Брана или Жойена всегда хмурился и ругался втихомолку.

Через несколько дней после омовения Элбелли в Винтерфелл вернулся сир Родрик с пленником – мясистым молодым парнем с толстыми влажными губами. Разило от него как из нужника – хуже, чем от Элбелли.

– Его Вонючкой зовут, – сказал Хэйхед, когда Бран спросил, кто это. – Не знаю уж, как его настоящее имя. Он служил Болтонскому Бастарду и пособничал ему в убийстве леди Хорнвуд – так говорят.

За ужином Бран узнал, что сам бастард мертв. Люди сира Родрика застали его на землях Хорнвудов за каким-то ужасным делом (Бран не совсем понял, за каким, но он делал это без одежды) и расстреляли его из луков, когда он пытался ускакать прочь. Но для бедной леди Хорнвуд помощь запоздала. После свадьбы бастард запер ее в башне и не давал ей есть. Бран слышал, как рассказывали, что сир Родрик, вышибив дверь, нашел ее с окровавленным ртом и отъеденными пальцами.

– Из-за этого чудовища мы попали в недурной переplet, – сказал старый рыцарь мейстеру Лювину. – Хотим мы того или нет, а леди Хорнвуд была его женой. Он заставил ее поклясться и перед септоном, и перед сердце-деревом и в ту же ночь при свидетелях лег с ней в брачную постель. Она подписала завещание, где назначает его своим наследником, и печать свою приложила.

– Обеты, сделанные по принуждению, законной силы не имеют, – возразил мейстер.

– Русе Болтон может с этим не согласиться – как-никак речь идет о богатых землях. – Вид у сира Родрика был несчастный. – Я бы охотно отсек голову и слуге – он ничем не лучше своего хозяина. Но боюсь, с этим придется подождать до возвращения Робба. Он единственный свидетель худшего из преступлений бастарда. Возможно, лорд Болтон, услышав его рассказ, откажется от своих притязаний, но пока что рыцари Мандерли и люди из Дредфорта убивают друг друга в Хорнвудских лесах, а у меня недостает сил, чтобы остановить их. – Старый рыцарь устремил суровый взор на Брана. – А вы что поделывали, пока меня не было, милорд принц? Запрещали нашим стражникам мыться? Хотите, чтобы от них пахло, как от этого Вонючки?

– Сюда придет море, – сказал Бран. – Жойен видел это в зеленом сне. И Элбелли утонет.

Мейстер Лювин оттянул свою цепь.

– Юный Рид верит, что видит в своих снах будущее, сир Родрик. Я говорил Брану о ненадежности подобных пророчеств, но, по правде сказать, на Каменном берегу у нас неспокойно. Разбойники на ладьях

грабят рыбацьи деревни, насилуют и жгут. Леобальд Толхарт послал своего племянника Бенфреда разделаться с ними, но они, полагаю, сядут на свои корабли и убегут, как только увидят вооруженных людей.

– Да – и нанесут удар где-нибудь еще. Иные бы взяли этих трусов. Они никогда бы на это не отважились, и Болтонский Бастард тоже, не будь наши главные силы на юге за тысячу лиг отсюда. Что еще говорил тебе этот парень? – спросил Брана сир Родрик.

– Что вода перехлестнет через наши стены. Он видел, что Элбелли утонул, и Миккен тоже, и септон Шейли.

– Ну что ж, если мне самому придется выступать против этих разбойников, Элбелли я с собой не возьму, – нахмурился сир Родрик. – Меня ведь малец не видел утонувшим? Нет? Вот и хорошо.

На сердце у Брана полегчало. Может, они еще и не утонут – если будут держаться подальше от моря.

Мира тоже так рассудила, когда они с Жойеном пришли вечером к Брану, чтобы поиграть в плашки, но Жойен покачал головой.

– То, что я вижу в зеленых снах, изменить нельзя.

Сестра рассердилась на него.

– Зачем тогда боги предупреждают нас, раз мы все равно ничего изменить не можем?

– Не знаю, – печально ответил Жойен.

– На месте Элбелли ты сам прыгнул бы в колодец, чтобы покончить разом, – так, что ли? Он должен бороться с судьбой, и Бран тоже.

– Я? – испугался Бран. – А мне зачем? Разве я тоже должен утонуть?

– Не надо мне было... – виновато сказала Мира.

Он понял, что она что-то скрывает.

– Ты и меня видел в зеленом сне? – с беспокойством спросил он Жойена. – Я тоже утонул?

– Нет, не утонул. – Жойен говорил так, будто каждое слово причиняло ему боль. – Мне снился человек, которого привезли сегодня – которого прозвали Вонючкой. Вы с братом лежали мертвые у его ног, а он сдирал с ваших лиц кожу длинным красным ножом.

Мира поднялась на ноги.

– Если я пойду сейчас в темницу, я смогу пронзить его сердце копьем. Как же он тогда убьет Брана, если умрет?

– Тюремщики тебе не позволят, – сказал Жойен. – А если ты скажешь им, почему хочешь его убить, тебе не поверят.

– У меня тоже есть охрана, – напомнил им Бран. – Элбелли, Рябой Тим, Хэйхед и остальные.

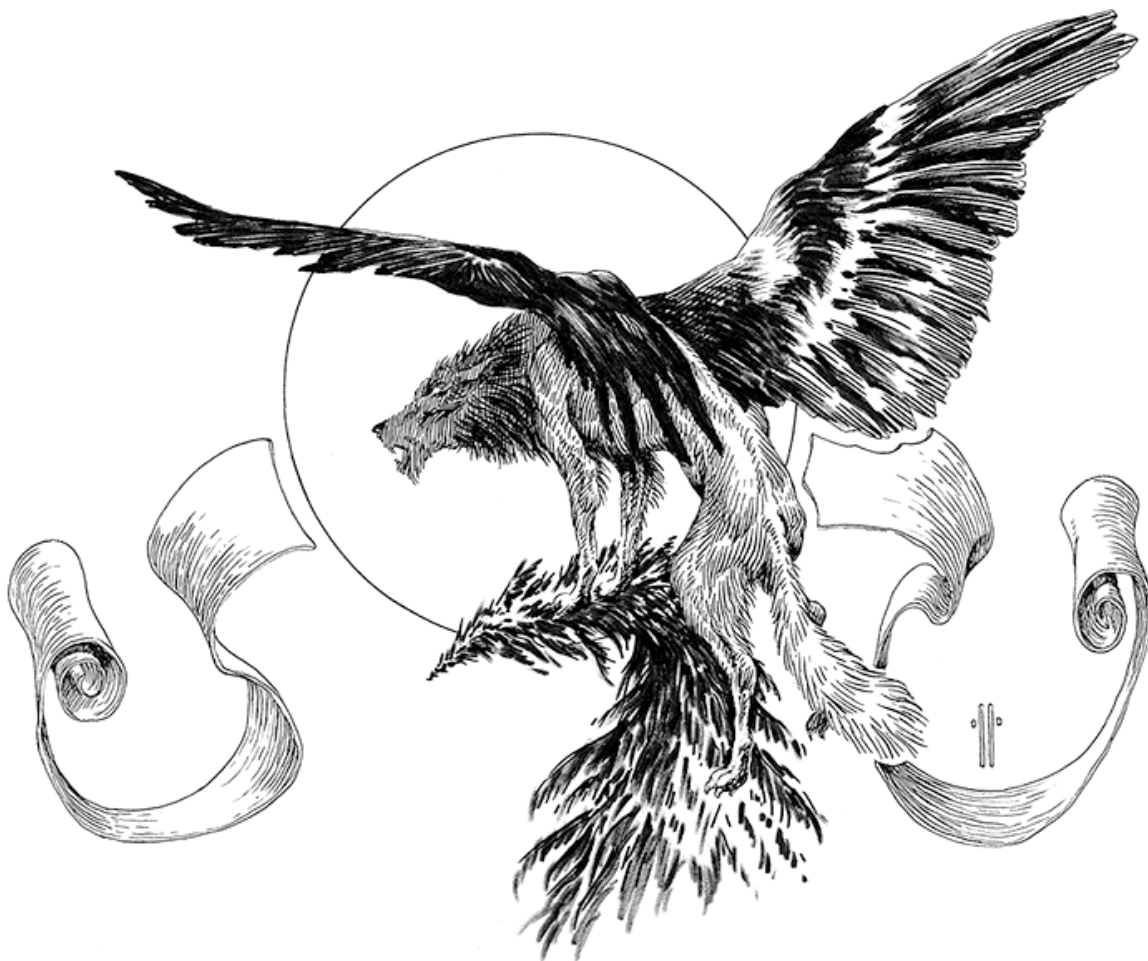
Зеленые, как мох, глаза Жойена наполнились жалостью.

– Они его не остановят, Бран. Не знаю только почему – я ведь видел самый конец. Видел вас с Риконом в вашей крипте, в темноте, со всеми мертвыми королями и каменными волками.

«Нет, – подумал Бран. – Нет».

– Но если я уеду... в Сероводье или к вороне, куда-нибудь, где меня не найдут...

– Это не поможет. Сон был зеленый, Бран, а зеленые сны не лгут.

Тирион

Варис грел мягкие руки над жаровней.

– По всей видимости, Ренли был убит самым ужасающим образом посреди своего войска. Ему раскроили горло от уха до уха клинком, режущим сталь и кость, точно мягкий сыр.

– Но чьей рукой он был убит? – спросила Серсея.

– Вы когда-нибудь задумывались над тем, что слишком много ответов – все равно что никакого? Мои осведомители не всегда занимают столь высокие посты, как нам было бы желательно. Когда умирает король, слухи множатся, как грибы во мраке ночи. Конюх говорит, что Ренли убил рыцарь его собственной Радужной гвардии. Прачка уверяет, что Станнис прокрался через армию своего брата с волшебным мечом. Несколько латников полагают, что злодейство совершила женщина, но не сходятся на том, кто она. Девушка, которую Ренли обесчестил, говорит один. Потаскушка, которую привели, чтобы он получил удовольствие перед битвой, говорит другой. А третий заявляет, что это была леди Кейтилин Старк.

Королева осталась недовольна.

– К чему занимать наше время всеми этими глупыми сплетнями?

– Вы хорошо мне платите за эти сплетни, всемилостивая моя королева.

– Мы платим вам за правду, лорд Варис. Помните об этом – иначе наш Малый совет станет еще меньше.

– Этак вы и ваш благородный брат оставите его величество вовсе без советников, – нервно хихикнул Варис.

– Думаю, государство в состоянии пережить потерю нескольких советников, – с улыбкой заметил Мизинец.

– Милый Петир, – возразил Варис, – а не боитесь ли вы оказаться следующим в маленьком списке десницы?

– Перед вами, Варис? И в мыслях не держу.

– Как бы нам не стать братьями, оказавшись вместе на Стене, – снова хихикнул Варис.

– Это случится скорее, чем ты думаешь, если не перестанешь нести вздор, евнух. – Серсея, судя по всему, готова была кастрировать Вариса заново.

– Может, это какая-нибудь хитрость? – спросил Мизинец.

– Если так, то необычайно умная. Меня она уж точно ввела в заблуждение.

Тирион достаточно их наслушался.

– Джофф будет разочарован. Он приберегал прекрасную пику для головы Ренли. Кто бы это ни совершил, приходится предположить, что стоял за этим Станнис. Кому это выгодно, как не ему? – Новость пришла Тириону не по вкусу – он рассчитывал, что братья Баратеоны порядком поистребят оба своих войска в кровавом бою. Локоть, ушибленный булавой, дергало – это бывало с ним иногда в сырую погоду. Он потер его без всякой пользы и спросил: – Как обстоит дело с армией Ренли?

– Почти вся его пехота осталась у Горького Моста. – Варис отошел от жаровни и сел за стол. – Но большинство лордов, которые отправились с лордом Ренли к Штормовому Пределу, перешли к Станнису со всеми своими рыцарями.

– Ручаюсь, что пример подали Флоренты, – сказал Мизинец.

– Вы совершенно правы, милорд, – с подобострастной улыбкой подтвердил Варис. – Первым действительно преклонил колено лорд

Алестер, и многие последовали за ним.

– Многие – но не все? – со значением спросил Тирион.

– Не все, – согласился евнух. – Не Лорас Тирелл, не Рендилл Тарли и не Матис Рован. Штормовой Предел тоже не сдается. Кортни Пенроз держит замок именем Ренли и не верит, что его сюзерен мертв. Он желает увидеть его останки, прежде чем открыть ворота, но похоже, что тело Ренли загадочным образом исчезло. Скорее всего его увезли. Пятая часть рыцарей Ренли отбыла с сиром Лорасом, не желая склонять колена перед Станнисом. Говорят, Рыцарь Цветов обезумел, увидев своего короля мертвым, и в гневе убил троих его телохранителей, в том числе Эммона Кью и Робара Ройса.

«Жаль, что он ограничился только тремя», – подумал Тирион.

– Сир Лорас скорее всего направился к Горькому Мосту, – продолжал Варис. – Там находится его сестра, королева Ренли, и большое количество солдат, внезапно лишившихся короля. Чью сторону они теперь примут? Вопрос щекотливый. Многие из них служат лордам, оставшимся у Штормового Предела, а эти лорды теперь поддерживают Станниса.

– Я вижу здесь надежду для нас, – подался вперед Тирион. – Если переманить Лораса Тирелла на нашу сторону, лорд Мейс Тирелл со своими знаменосцами может тоже перейти к нам. Хотя они присягнули Станнису, любви к нему они явно не питают – иначе пошли бы за ним с самого начала.

– По-твоему, нас они любят больше? – спросила Серсея.

– Едва ли. Они любили Ренли, но Ренли убит. Возможно, мы сумеем дать им вескую причину предпочесть Джоффри Станнису... если будем действовать быстро.

– Что за причину ты имеешь в виду?

– Золото – очень веский довод, – вставил Мизинец. Варис поцокал языком.

– Дорогой Петир, ведь не думаете же вы, что этих могущественных лордов и благородных рыцарей можно скупить всех разом, как цыплят на рынке?

– Приходилось ли вам последнее время бывать на наших рынках, лорд Варис? Там легче купить лорда, чем цыпленка, смею вас заверить. Лорды, конечно, кудахчут громче и воротят нос, если ты так

прямо суешь им монету, но редко отказываются от подарков... земель, замков и почестей.

– Лордов помельче, может быть, и удастся перекупить, – сказал Тирион, – но только не Хайгарден.

– Это верно, – признал Мизинец. – Ключевая фигура здесь – Рыцарь Цветов. У Мейса Тирелла есть еще два старших сына, но Лорас всегда был его любимцем. Завоюете Лораса – и Хайгарден ваш.

«Да», – подумал Тирион.

– Тут, мне кажется, мы можем взять урок у покойного Ренли. И заключить с Тиреллами союз так же, как сделал он, – посредством брака.

Варис смекнул первым:

– Вы хотите поженить короля Джоффри с Маргери Тирелл.

– Да, хочу. – Молодой королеве Ренли лет пятнадцать-шестнадцать, не более... постарше Джоффри, но пара лет ничего не значит... Тирион прямо-таки смаковал эту сдобную мысль.

– Джоффри помолвлен с Сансой Старк, – возразила Серсея.

– Всякую помолвку можно расторгнуть. Какой смысл нам женить короля на дочери мертвого изменника?

– Можно обратить внимание его милости на то, – подал голос Мизинец, – что Тиреллы намного богаче Старков, а Маргери, как говорят, прелестна... к тому же созрела для брачного ложа.

– Верно. Думаю, Джоффу это придется по душе.

– Мой сын слишком юн, чтобы разбираться в подобных вещах.

– Ты так думаешь? Ему тринадцать, Серсея. Я женился в том же возрасте.

– Ты всех нас опозорил этой своей выходкой. Джоффри сделан из более благородного вещества.

– Из столь благородного, что велел сиру Боросу разорвать на Сансе платье.

– Он рассердился на нее, вот и все.

– На поваренка, который прошлым вечером пролил суп, он тоже рассердился, однако раздеть его не велел.

– С Сансой дело шло не о пролитом супе.

Верно, не о нем, а о чьих-то славных титечках. После происшествия во дворе Тирион говорил с Варисом о том, как бы устроить Джоффри визит к Катае. Авось мальчик смягчится, вкусив

меда. Даже испытывает благодарность, чего доброго, – а королевская благодарность Тириону отнюдь бы не помешала. Это, конечно, следует проделать тайно. Самое трудное – это разлучить Джоффа с Псом. «Этот Пес никогда не отходит далеко от хозяина, – заметил Тирион Варису, – однако спать всем надо. Равно как играть, распутничать и посещать кабаки». «Все вами перечисленное входит в обычаи Пса, если вы об этом спрашиваете», – сказал Варис. «Нет. Я спрашиваю когда». Варис с загадочной улыбкой приложил палец к щеке. «Милорд, подозрительный человек мог бы подумать, что вы хотите улучшить время, когда Сандор Клиган не охраняет короля Джоффри, чтобы причинить мальчику какой-то вред». «Ну уж вы-то должны знать меня лучше, лорд Варис. Все, чего я хочу, – это чтобы Джоффри меня любил».

Евнух пообещал заняться этим делом – но у войны свои запросы, и посвящение Джоффри в мужчину придется отложить.

– Ты, конечно, знаешь своего сына лучше, чем я, – сказал Тирион Серсее, – тем не менее есть много доводов в пользу его брака с Тирелл. Возможно, только в этом случае Джоффри сумеет дожить до своей брачной ночи.

– Маленькая Старк не даст Джоффри ничего, кроме своего тела, – согласился Мизинец, – каким бы прелестным оно ни было. Маргери Тирелл принесет ему пятьдесят тысяч мечей и всю мощь Хайгардена.

– Верно. – Варис коснулся мягкой рукой рукава королевы. – У вас материнское сердце, и я знаю, что его милость любит свою маленькую подружку. Но короли должны учиться ставить нужды государства превыше своих желаний. Мне думается, это предложение должно быть сделано.

Королева освободилась от его прикосновения.

– Вы все не думали бы так, будь вы женщинами. Говорите что хотите, милорды, но Джоффри слишком горд, чтобы довольствоваться объедками Ренли. Он никогда на это не согласится.

Тирион пожал плечами:

– Через три года король достигнет совершеннолетия и тогда сможет давать или не давать свое согласие, как пожелает. Но до тех пор ты его регентша, а я его десница, и мы женим его, на ком сочтем нужным, будь то объедки или нет.

Серсея расстреляла все свои стрелы.

– Что ж, делай свое предложение, но да спасут тебя боги, если Джоффу невеста не понравится.

– Я очень рад, что мы пришли к согласию. Но кто же из нас отправится в Горький Мост? Мы должны успеть с нашим предложением, пока сир Лорас еще не остыл.

– Ты хочешь послать одного из членов совета?

– Вряд ли Рыцарь Цветов станет вести переговоры с Бронном или Шаггой, правда? Тиреллы – люди гордые.

Королева не замедлила обратить ситуацию в свою пользу:

– Сир Джаселин Байуотер благородного происхождения. Пошли его.

– Нет-нет. Нам нужен человек, способный не только пересказать наши слова и привезти обратно ответ. Наш посол должен незамедлительно уладить это дело сам, говоря от имени короля и совета.

– Голосом короля говорит десница. – При свечах зеленые глаза Серсеи сверкали, как дикий огонь. – Если мы пошлем тебя, Тирион, это будет все равно как если бы Джоффри поехал сам. Кто может быть лучше? Ты владеешь словами столь же искусно, как Джейме – мечом.

«Тебе так не терпится удалить меня из города, Серсея?»

– Ты очень добра, сестрица, но мне кажется, что мать жениха куда лучше устроит его брак, чем дядя. Притом такой дар завоевывать себе друзей с моим уж никак не сравнится.

Она сузила глаза.

– Джоффу нужно, чтобы я была рядом с ним.

– Ваша милость, милорд десница, – сказал Мизинец, – вы оба нужны королю здесь. Позвольте мне отправиться вместо вас.

– Вам? – «Какую же выгоду ты тут усмотрел для себя?» – подумал Тирион.

– Я советник короля, но не принадлежу к королевскому роду, поэтому заложник из меня незавидный. Я довольно близко сошелся с сиром Лорасом, когда он гостил при дворе, и у него не было повода невзлюбить меня. Мейс Тирелл тоже, насколько я знаю, не питает ко мне вражды, и я льщу себе тем, что переговоры вести умею.

«Похоже, он нас поймал». Тирион не доверял Петиру Бейлишу и не хотел терять его из виду, но что ему оставалось? Либо Мизинец, либо

сам Тирион – а стоит ему уехать из Королевской Гавани хотя бы ненадолго, и все, чего он сумел добиться, пойдет прахом.

– Между нами и Горьким Мостом идет война, – осторожно сказал Тирион. – И можете быть уверены, что лорд Станнис отрядит собственных пастухов собрать заблудших овец своего брата.

– Пастухов я никогда не боялся. Кто меня беспокоит, так это овцы. Но я полагаю, мне дадут эскорт.

– Могу уделить вам сотню золотых плащей.

– Пятьсот.

– Триста.

– В придачу двадцать рыцарей и столько же оруженосцев. Без рыцарской свиты Тиреллы сочтут меня ничтожеством.

И то верно.

– Согласен.

– Я возьму с собой Страшилу и Неряху, которых после передам их лорду-отцу. Жест доброй воли. Пакстер Редвин нужен нам – он самый старый друг Мейса Тирелла, да и сам по себе крупная величина.

– И предатель, – нахмурилась королева. – Арбор переметнулся бы к Ренли заодно с остальными, если б Редвин не знал, что его щенки поплатятся за это.

– Ренли больше нет, ваша милость, – заметил Мизинец, – и ни лорд Станнис, ни лорд Пакстер не забыли, как галеи Редвина сторожили море во время осады Штормового Предела. Отдайте близнецов, и у нас появится надежда завоевать любовь Редвина.

– Пусть Иные забирают его любовь – мне нужны его мечи и паруса, – отрезала Серсея. – А самый верный способ получить их – это оставить близнецов у себя.

– Вот что сделаем, – решил Тирион. – Вернем назад сира Хоббера, а сира Хораса оставим здесь. Полагаю, у лорда Пакстера хватит ума разгадать, что это значит.

Его предложение приняли без споров, но Мизинец еще не закончил.

– Нам понадобятся сильные и быстрые кони. Вряд ли мы сможем обеспечить себе замену из-за войны. Нужен будет также солидный запас золота – для подарков, о которых мы говорили ранее.

– Берите сколько нужно. Если город падет, Станнис так и так все заберет себе.